

УДК 343.713**Лексические конструкции в содержании состава вымогательства
(или вновь к вопросу об оценочных признаках)****Прохорова Марина Леонидовна**

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Октябрьская, 25;
e-mail: hooligang@mail.ru

Огородникова Нина Владимировна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Октябрьская, 25;
e-mail: onv23@mail.ru

Верховская Татьяна Юрьевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Октябрьская, 25;
e-mail: tatjanka_92@mail.ru

Аннотация

В статье детализируется содержание оценочных признаков состава вымогательства, относящихся к угрозе распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Проведенный анализ показывает необходимость дальнейшего исследования вопроса об оценочных признаках в уголовном законодательстве. Абстрактный способ изложения уголовно-правовых запретов, присущий континентальной система права, обуславливает допустимость формулирования диспозиций норм с использованием формально-неопределенных терминов и лексических конструкций. Задача науки – давать правильные ориентиры для правоприменения в части унификации понимания и примене

Для цитирования в научных исследованиях

Прохорова М.Л., Огородникова Н.В., Верховская Т.Ю. Лексические конструкции в содержании состава вымогательства (или вновь к вопросу об оценочных признаках) // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 7А. С. 188-197.

Ключевые слова

Вымогательство, вымогательское требование, вымогательская угроза, позорящие сведения, охраняемая законом тайна, существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Введение

Одним из неперенных условий эффективного правоприменения выступает надлежащее качество нормативного материала. Эта, казалось бы, непреложная истина, к сожалению, не всегда служит ориентиром для представителей правотворческих органов в их деятельности. Игнорирование требований законодательной техники нередко приводит к формулированию нормативных положений, отличающихся неопределенностью, создающих предпосылки для неоднозначного толкования, влекущих выстраивание судебно-следственной практики, не обладающей свойствами единообразия и стабильности. Крайне негативными последствиями это чревато для сферы применения уголовного права, особенно если речь идет о положениях, определяющих основание уголовной ответственности за то или иное общественно опасное деяние. В русле данных рассуждений стоит обратить внимание на так называемые оценочные категории в праве и, в частности, на оценочные признаки, нередко используемые при конструировании составов преступлений. Их наличие, как правило, осложняет процесс квалификации содеянного, побуждая правоприменителя «улавливать» идею законодателя, пытаться вместить свои представления относительно оценки установленных фактов в «прокрустово ложе» его замысла. При этом «фантазии» одного, например, судьи могут не совпасть с видением другого – и вот уже формируется «калужская и казанская» законность [Ленин, 1976] со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными для граждан и социума последствиями.

Вместе с тем в специальной литературе отмечается двойственный характер названных категорий. Действительно, с одной стороны, это недостаток закона и проблема правоприменения, но в то же время, с другой, его достоинство [Агаев, Сафонов, Зорина, 2021]. На самом деле, не всегда стоит упрекать законодателя за использование в диспозициях уголовно-правовых норм лексических конструкций, формирующих оценочные признаки состава преступления. В отдельных ситуациях соответствующая конкретизация не представляется возможной вследствие многообразия фактов и обстоятельств, исчерпывающий круг которых, «предлагаемых» объективной действительностью, очертить невозможно либо весьма затруднительно.

Основная часть

К числу преступных посягательств, в законодательном описании составов которых используются названные лексические конструкции, относится вымогательство.

Уголовно-правовая характеристика состава вымогательства достаточно подробно представлена в доктринальных источниках и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 г. (далее – постановление ПВС РФ № 56). Вместе с тем в правоприменительной практике довольно часто возникают спорные вопросы квалификации указанного деяния в части установления оценочных – не конкретизированных в уголовном

законе – признаков состава преступления. Так, довольно сложной в толковании является содержащаяся в ч. 1 ст. 163 УК РФ конструкция угрозы распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. В данной формулировке можно выделить, по сути, три отличающихся оценочностью лексических единицы: «сведения, позорящие...», «иные сведения, ...», «существенный вред...».

Оставляя за рамками настоящего исследования рассмотрение иных признаков состава вымогательства, в наиболее общем виде отметим, что «вымогательская» угроза сопровождает «вымогательское» требование. Последнее предполагает отсутствие у виновного лица каких-либо оснований и правомочий в отношении чужого имущества либо права на него.

Под угрозой в праве понимается выраженное словесно, письменно или другим способом намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком.

В уголовно-правовой доктрине отмечается, что угроза распространения порочащих личность измышлений выступает элементом психического насилия, заставляющим лицо действовать против собственной воли, поступаясь определенными убеждениями. Сам процесс принуждения является весьма травматичным для психики человека (не случайно его даже относят к насилию и одному из проявлений пытки), вред от подобного воздействия не имеет стоимостного эквивалента, является абсолютно субъективным, зависящим от степени восприятия принуждаемым лицом диктуемых насильником установок [Елец, 2019].

При этом сущность угрозы разглашения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, заключается в том, что ею является запугивание сообщением хотя бы одному третьему лицу любой информации, имеющей место в действительности или вымышленной, но непременно позорящего характера [Елец, 2000].

Позорящими должны быть сведения, вызывающие у потерпевшего чувство стыда, унижения, вне зависимости от того, как к ним отнесутся окружающие. Важна реакция именно такого рода на их распространение самого потерпевшего: если потерпевший будет безразлично или спокойно относиться к их разглашению, то угроза не будет воспринята им как реальная, соответственно, не повлечет за собой удовлетворение притязаний лица, подобным образом угрожающего [Елец, 2000].

Судебная практика свидетельствует о том, что довольно часто угроза распространения позорящих сведений направляется потерпевшему в социальных сетях, в смс-сообщении [Свердловский районный суд г. Белгорода, [www](#)] либо высказывается в телефонном звонке посредством мобильной связи или с использованием мессенджеров [Бабушкинский районный суд г. Москвы, [www](#)]. Она может выразиться и в демонстрации экрана мобильного телефона с находящимися на нем компрометирующими потерпевшего или его близких файлами, а также изображения с формулировкой конкретного («вымогательского») требования [Тверской районный суд г. Москвы, [www](#)].

Угроза в ситуации вымогательства может быть сформулирована не только в однозначном, общедоступном для адресата угрозы и (или) иных лиц понимании. Встречается и косвенный способ ее выражения, который включает намек, предполагающий обязательную реконструкцию содержания оборота речи по неполным данным. В таких случаях для правильной квалификации содеянного вопрос о наличии либо отсутствии угрозы целесообразно ставить перед экспертом-лингвистом [Попкова, 2015].

Что касается распространения соответствующих сведений, ни Уголовный кодекс РФ, ни постановление ПВС РФ № 56 не конкретизируют способы распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких. Соответственно, они могут быть любыми.

В уголовно-правовой доктрине со ссылкой на п. 7 постановления № 3 Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» отмечается, что распространение возможно путем опубликования таких сведений в печати, трансляции их по радио и телевидению, демонстрации в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, в сети «Интернет» либо с использованием иных средств телекоммуникационной связи, а также изложения таких сведений в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщения в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу [Безбородов, Краев, 2020].

При этом «распространение» в составе вымогательского шантажа, будучи отглагольным существительным, может быть истолковано двояко: как действие – передача сведений любому числу лиц, ранее в них не посвященных, и как продолжающийся процесс – расширение круга лиц, обладающих такими сведениями (иначе – продолжение соответствующего действия) [Асеев, Чекмезова, 2024].

В числе многократно встречающихся в судебной практике способов можно назвать размещение позорящих сведений (часто – интимных фотографий) в сети «Интернет» [Свердловский районный суд г. Белгорода, [www](#)]. С учетом развития интернет-технологий отечественные суды признают и такие относительно новые формы распространения, как опубликование комментария и сообщение в общем чате. Предполагаемыми адресатами данных сведений могут быть как известные потерпевшему лица (например, его коллеги), так и неконкретизированные представители общественности [Бабушкинский районный суд г. Москвы, [www](#)].

Согласно п. 12 ПВС РФ № 56, позорящими признаются сведения, порочащие честь, достоинство или подрывающие репутацию лица или его близких, в том числе данные о совершении правонарушения либо аморального поступка. В этой связи возникает вопрос: являются ли сведения, изложенные в заявлениях, направленных в правоохранительные или иные государственные и судебные органы, позорящими потерпевшего и его близких? Данный вопрос приобретает особую остроту в ситуации, когда потерпевшим от вымогательства признается представитель власти, распространение позорящих сведений о котором может негативно сказаться на его дальнейшей служебной деятельности.

Интересно в этом отношении определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотревшей спор о защите чести, достоинства и деловой репутации. Поводом для обращения истца – начальника УВД Амурской области – послужили письменные объяснения, данные ответчицей должностному лицу Главного управления собственной безопасности МВД РФ, в которых, по мнению истца, содержались сведения негативного характера о его деятельности в должности начальника УВД Амурской области, порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, наносящие ущерб его дальнейшей службе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что обращение гражданина в правоохранительные органы с заявлением, в котором он приводит те или иные сведения, касающиеся деятельности конкретных должностных лиц, является реализацией его

конституционного права на обращение в государственные органы, а не распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в случае, когда эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения [Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 59-В05-1].

Соответственно, направление заявления в правоохранительные, судебные или иные государственные органы, согласно ст. 33 Конституции РФ, является реализацией гражданином конституционного права на обращение; государственные органы в силу закона обязаны проверять поступившую информацию. Данная правовая позиция нашла отражение в п. 10 постановления № 3 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» от 24 февраля 2005 г.

Итак, посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию имеет место только в том случае, если при рассмотрении дела суд установит, что обращение в указанные органы не имело под собой никаких оснований и продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу. В такой ситуации имеет место заведомо ложный донос, т.е. сообщение о не имеющих место или намеренно искаженных фактах, что осознается заявителем, имеющим намерение привлечь к ответственности то или иное лицо.

Добросовестное заблуждение заявителя относительно события преступления и (или) его существенных обстоятельств, в том числе о причастности к этому преступлению конкретных лиц, исключает умышленный характер его действий и наступление уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ.

Таким образом, распространяемые в рамках заведомо ложного доноса сведения действительно позорят лицо. Если же мнение заявителя о противоправности чьих-либо действий строится на его добросовестном заблуждении или неверной оценке положений закона, то, разумеется, основание для привлечения его к ответственности за распространение позорящих сведений отсутствует.

Формулировка диспозиции ч. 1 ст. 163 УК о «вымогательском» требовании «под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» вызывает потребность в разъяснении того, является ли возможность причинения существенного вреда правам и интересам потерпевшего и его близких всегда необходимым условием наступления уголовной ответственности по ст. 163 УК РФ, или понятие «существенного вреда» относится исключительно к «иным сведениям», под угрозой распространения которых выдвигаются требования.

Описание состава вымогательства позволяет отнести его к альтернативным вследствие вариативности как требований, так и угроз, которыми вымогатель подкрепляет свои претензии, оказывая психологическое (в ч. 1 ст. 163 УК РФ) давление на потерпевшего. Из четырех видов угроз (в числе которых упоминаются также угроза применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества) две выражаются в «распространении сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких».

Подобный прием изложения признаков преступления свидетельствует о двух разновидностях сведений, распространением которых угрожает виновное лицо: 1) сведения, которые являются позорящими потерпевшего или его близких; 2) не позорящие названных лиц

сведения, способные, тем не менее, причинить существенный вред их правам и законным интересам.

Примечательно, и на это обращено внимание в специальной литературе, что «при описании вымогательского шантажа законодатель использует союз “либо”, являющийся разделительным по значению противопоставления (строгая дизъюнкция), что позволяет сделать вывод о невозможности отнесения одних сведений одновременно и к позорящим потерпевшего или его близких, и к иным сведениям, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» [Асеев, Чекмезова, 2024].

Грамматическое толкование рассматриваемого фрагмента текста закона приводит к выводу, что существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких распространяется лишь на «иные сведения».

Действительно, шантаж возможен путем распространения сведений, как позорящих потерпевшего, но не нарушающих его прав и законных интересов (совершение противоправных или аморальных поступков), так и способных повлечь указанные последствия, но не являющихся позорящими (например, наличие заболевания, факт усыновления, сведения о совершенной сделке и др.).

В контексте ст. 163 УК РФ иные сведения, имеющие возможность причинения существенного вреда правам или законным интересам потерпевшего или его близких, – это сведения, которые сам потерпевший хотел бы сохранить в тайне. Соответственно, эти сведения не должны являться позорящими, но должны носить скрытый (тайный) характер [Елец, 2019].

Перечень иных сведений, распространение которых может нанести существенный вред, является открытым; к ним относятся, в том числе, любые сведения, составляющие охраняемую законом тайну, к примеру, личную, служебную, врачебную, иные сведения конфиденциального характера.

Итак, по смыслу ст. 163 УК РФ, причинение существенного вреда правам или законным интересам потерпевшего или его близким не свойственно распространению позорящих сведений.

Данный вывод подтверждается материалами практики Верховного Суда РФ. В ряде судебных актов признается правильность квалификации вымогательства с учетом только угрозы распространения позорящих потерпевшего сведений. Суд обращает внимание на реальный характер угрозы, а также на то, что она являлась средством психического воздействия на потерпевшего с целью получения имущества. Стоит особо подчеркнуть, что существенность вреда в таких случаях не устанавливается [Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 8 октября 2014 г. по делу № 2–19/2014].

Далее представляется целесообразным детализировать такую оценочную категорию, как «существенный вред». Отсутствие аутентичного толкования порождает неопределенность в науке и правоприменении, разнообразие точек зрения, которые отрицательным образом влияют на следственную и судебную практику, позволяют принимать разные решения в сходных ситуациях. В подобных случаях Конституция РФ возлагает на Верховный Суд РФ в рамках его полномочий устранить разброс мнений, унифицировать понимание и, как следствие, применение уголовного закона. В порядке интерпретационной практики Верховный Суд РФ разрабатывает соответствующие рекомендации в формате постановлений Пленума. Тем не менее, подобные разъяснения отсутствуют в постановлении ПВС РФ № 56.

Стоит отметить, что «существенность» как показатель степени вреда присутствует в содержании состава не только вымогательства, но и других преступлений. Например, обозначая

последствие злоупотребления должностными полномочиями, законодатель использует формулировку «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций...».

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (с изм., внесенными постановлениями Пленума от 24 декабря 2019 г. № 59 и от 11 июня 2020 г. № 7) содержится разъяснение, что при оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п. (п. 18).

Подобное обобщенное обозначение последствия – «существенный вред» – законодатель использует и в ряде других норм Особенной части УК РФ.

В контексте вымогательства существенность вреда может носить как материальный, так и нематериальный характер. В частности, при публичном распространении негативной и не соответствующей действительности информации вред может выражаться в необходимости брать паузу в переговорах либо отказываться от проекта; в возникновении сложностей с получением кредита; в репутационном ущербе, когда возникает необходимость покупать эфирное время для того, чтобы восстановить репутацию [Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 9 августа 2013 г. по делу № 2–3/2013].

При разграничении распространения позорящих и иных сведений в составе вымогательства следует иметь в виду, что сообщение сведений о совершении лицом или его близкими преступления либо иного правонарушения кому бы то ни было не сможет причинить вред правам и законным интересам потерпевшего, поскольку уголовное законодательство не может охранять заинтересованность лица в стремлении избежать обоснованного и законного привлечения к уголовной ответственности. Иными словами, «в случае с вымогательством за нераспространение сведений о совершенном лицом преступлении (правонарушении) фактически не причиняется вред законным правам и интересам в связи с тем, что отсутствует само по себе право на сохранение такой информации в тайне» [Никитин, 2016].

Показательным в этом плане является постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 марта 2001 г. № 1039-П00. В его описательно-мотивировочной части отмечено, что С. и О. требовали (и получили) от Б. и Р. за неразглашение сведений о совершенном последними разбойном нападении 6 тыс. долл. Давая оценку квалификации содеянного по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ, Президиум Верховного Суда РФ констатировал: угрозу разглашения сведений о действительно совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, существенно нарушающим права Б. и Р. либо причиняющим вред их законным интересам. При таких обстоятельствах действия С. и О. не содержат состава преступления. Приговор суда и определение кассационной коллегии в этой части было отменено, а уголовное дело – прекращено [Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 марта 2001 г. № 1039-П00].

Таким образом, интерпретационная практика Верховного Суда РФ и уголовно-правовая доктрина трактуют признак причинения существенного вреда правам или законным интересам потерпевшего либо его близких применительно только к распространению *иных* сведений, составляющих охраняемую законом тайну. Мотивировка существенности вреда является обязательной: ее отсутствие приводит к исключению из осуждения виновного названного признака [Кассационное определение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2011 г. по делу № 2–25/10].

Закключение

Проведенный анализ убедительно показывает необходимость дальнейшего исследования вопроса об оценочных признаках в уголовном законодательстве. Абстрактный способ изложения уголовно-правовых запретов, присущий континентальной система права, обуславливает допустимость формулирования диспозиций норм с использованием формально-неопределенных терминов и лексических конструкций. Задача науки – давать правильные ориентиры для правоприменения в части унификации понимания и применения оценочных признаков в целом и существенного вреда в частности.

Библиография

1. Приговор Тверского районного суда г. Москвы от 6 декабря 2022 г. по делу № 01-0282/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 05.04.2024).
2. Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода от 2 июля 2020 г. по делу № 1-99/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YIaqac9YHKgB/> (дата обращения: 05.04.2024).
3. Приговор Бабушкинского районного суда г. Москвы от 22 ноября 2023 г. по делу № 1-908/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 05.04.2024).
4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 марта 2001 г. № 1039-П00 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10. С. 13.
5. Попкова Л.М. Косвенный способ выражения смысла как признак ситуации вымогательства // Юрислингвистика. 2015. № 4 (15). С. 51–56.
6. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.04.2024).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 59-В05-1. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2024).
8. Никитин Ю.А. Содержание шантажа: вопросы теории и практики // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3 (32). С. 61–64.
9. Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1976. Т. 45. С. 197–202.
10. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2011 г. по делу № 2-25/10. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/OD2F3IVmprQj/> (дата обращения: 05.04.2024).
11. Карпов К.Н. Квалификация вымогательства при угрозе распространения сведений о совершенном лицом правонарушении либо аморальном поступке // Современное право. 2018. № 5. С. 77–84.
12. Елец С.А. Угроза распространения порочащих личность измышлений как способ совершения преступления // Sciences of Europe. 2019. № 4 (44). С. 28–32.
13. Елец Е.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты вымогательства: по материалам Северо-Кавказского региона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 24 с.
14. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1998. 607 с.
15. Безбородов Д.А., Краев Д.Ю. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)». СПб., 2020. 145 с.
16. Асеев А.Ю., Чекмезова Е.И. Вымогательство: спорные вопросы квалификации // Уголовное право. 2024. № 11 (171). С. 10–11.
17. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 8 октября 2014 г. по делу № 2-19/2014. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/hTFRYNUn2QJ1/> (дата обращения: 05.04.2024).
18. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 9 августа 2013 г. по делу № 2-3/2013. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/fMcz6BFDeJYe/> (дата обращения: 05.04.2024).
19. Агаев Г.А., Сафонов В.Н., Зорина Е.А. Оценочные признаки состава преступления и их значение для определения вины и уголовной ответственности // Проблемы управления рисками в техносфере. 2021. № 2 (58). С. 124–130.

Lexical Constructions in the Content of the Extortion Offense (Revisiting the Question of Evaluative Features)

Marina L. Prokhorova

Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University,
350040, 25 Oktyabrskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: hooligang@mail.ru

Nina V. Ogorodnikova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University,
350040, 25 Oktyabrskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: onv23@mail.ru

Tat'yana Yu. Verkhovskaya

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University,
350040, 25 Oktyabrskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: tatjanka_92@mail.ru

Abstract

The article elaborates on the content of evaluative features in the offense of extortion, specifically those related to the threat of disseminating information that discredits the victim or their close associates, or other information that may cause substantial harm to the rights or legitimate interests of the victim or their close associates. The conducted analysis demonstrates the necessity for further research on evaluative features in criminal legislation. The abstract manner of formulating criminal law prohibitions, inherent in the continental legal system, allows for the use of formally indeterminate terms and lexical constructions in the dispositions of legal norms. The task of legal science is to provide correct guidelines for law enforcement to unify the understanding and application of these features.

For citation

Prokhorova M.L., Ogorodnikova N.V., Verkhovskaya T.Yu. (2025) Leksicheskiye konstruktsii v sodержanii sostava vymogatel'stva (ili vnov' k voprosu ob otsenochnykh priznakakh) [Lexical Constructions in the Content of the Extortion Offense (Revisiting the Question of Evaluative Features)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (7A), pp. 188-197.

Keywords

Extortion, extortionate demand, extortionate threat, discrediting information, legally protected secret, substantial harm to the rights or legitimate interests of the victim or their close associates.

References

1. Verdict of the Tverskoy District Court of Moscow dated December 6, 2022 in case no. 01-0282/2022 // The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: <https://mos-gorsud.ru> (date of appeal: 04/05/2024).
2. Verdict of the Sverdlovsk District Court of Belgorod dated July 2, 2020 in case No. 1-99/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YIaqac9YHKgB> / (date of appeal: 04/05/2024).
3. Verdict of the Babushkinsky District Court of Moscow dated November 22, 2023 in case No. 1-908/2023 // The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: <https://mos-gorsud.ru> (date of request: 04/05/2024).
4. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 21, 2001 No. 1039-P00 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2001. No. 10. P. 13.
5. Popkova L.M. Indirect way of expressing meaning as a sign of a situation of extortion // Legal Linguistics. 2015. No. 4 (15). pp. 51-56.
6. On judicial practice in cases of extortion (Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2015 No. 56 // ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru> (date of request: 04/05/2024).
7. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 15, 2005 No. 59-B05-1. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of reference: 04/05/2024).
8. Nikitin Yu.A. The content of blackmail: issues of theory and practice // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. No. 3 (32). pp. 61-64.
9. Lenin V.I. On "double" subordination and legality // Poln. sobr. soch. 5th ed. Moscow: Politizdat, 1976. Vol. 45. pp. 197-202.
10. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 3, 2011 in case No. 2-25/10. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/OD2F3IVmPrQj> / (date of request: 04/05/2024).
11. Karpov K.N. Qualification of extortion in case of threat of dissemination of information about an offense or immoral act committed by a person // Modern law. 2018. No. 5. pp. 77-84.
12. Yelets S.A. The threat of spreading defamatory fabrications as a way of committing a crime // Sciences of Europe. 2019. No. 4 (44). pp. 28-32.
13. Yelets E.A. Criminal law and criminological aspects of extortion: based on the materials of the North Caucasus region: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2000. 24 p.
14. Big legal dictionary / edited by A.Ya. Sukharev, V.D. Zorkin, V.E. Krutskikh. Moscow: INFRA-M, 1998. 607 p.
15. Bezborodov D.A., Kraev D.Yu. Scientific and practical commentary on the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2015 No. 56 "On judicial practice in cases of extortion (Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation)". St. Petersburg, 2020. 145 p.
16. Aseev A.Yu., Chekmezova E.I. Extortion: controversial issues of qualification // Criminal law. 2024. No. 11 (171). pp. 10-11.
17. The appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 8, 2014 in case No. 2-19/2014. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/hTFRYNUn2QJ1> / (date of appeal: 04/05/2024).
18. Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 9, 2013 in case No. 2-3/2013. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/fMcz6BFDeJYe> / (date of access: 04/05/2024).
19. Agaev G.A., Safonov V.N., Zorina E.A. Evaluative signs of a crime and their significance for determining guilt and criminal liability // Problems of risk management in the technosphere. 2021. No. 2 (58). pp. 124-130.